

Научная статья

УДК 303.01

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-2-40-53

Противоречия понятия нарративной идентичности П. Рикёра: диалектика изменчивости и статичности

Александра Борисовна Аникина

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

lieda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>

Аннотация

В статье рассматриваются сложности понимания и использования концепции нарративной идентичности, предложенной Полем Рикёром: подчеркивается, что участвующие в поддержании идентичности категории характера и данного кому-то слова не являются противопоставленными друг другу. В зависимости от типа их взаимодействия возникают два типа идентичности: тождественность и самость, которые в свою очередь тоже не есть взаимоисключающие модусами, но являются полярными в смысле создания между ними линий напряженности, заставляющих субъекта склоняться то к одному, то к другому полюсу. Нарративная идентичность представляет собой опосредующий механизм, связывающий между собой эти четыре категории. В статье рассматривается проблема сомнения в «подлинности» такой конструкции идентичности, которая оказывается изменчивой, основанной на произвольном выборе субъекта. Высказывается предположение, что эта форма идентичности является адекватным ответом на расширяющиеся возможности субъектов и ускорение изменчивости их жизненного мира. В конце статьи автор развивает предположение Рикёра о том, что категория нарративной идентичности может применяться к коллективным субъектам. Делается вывод, что данная категория может быть плодотворна для осмысления нарративов политики памяти, самосознания сообществ, однако пока налицо сложности ее практического применения, которые требуют дальнейших исследований.

Ключевые слова

П. Рикёр, нарративная идентичность, самость, нарратив, ответственность

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01698 «История в контексте когнитивных наук».

Для цитирования

Аникина А. Б. Противоречия понятия нарративной идентичности П. Рикёра: диалектика изменчивости и статичности // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23. № 2. С. 40–53. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-2-40-53

© Аникина А. Б., 2025

Contradictions of the concept of narrative identity by P. Ricoeur: the dialectics of variability and staticity

Alexandra B. Anikina

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

lieda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>

Abstract

This paper examines the complexities of understanding and using of the concept of narrative identity proposed by Paul Ricoeur: it is emphasized that the categories of character and the word given to someone involved in maintaining identity are not opposed to each other. Depending on the type of their interaction, two types of identity arise: sameness and selfhood, which in turn are also not mutually exclusive modes, but are polar in the sense of creating lines of tension between them, forcing the subject to lean toward one pole or the other. Narrative identity is a mediating mechanism linking these four categories. The article examines the problem of doubting the «authenticity» of such an identity construct, which turns out to be changeable, based on the arbitrary choice of the subject. It is suggested that this form of identity is an adequate response to the expanding capabilities of subjects and the acceleration of the variability of their life world. We develop Ricoeur's assumption that the category of narrative identity can be applied to collective subjects. It is concluded that this category can be fruitful for understanding the narratives of memory politics, self-awareness of communities, but so far there are difficulties in its practical application, which require further examination.

Keywords

P. Ricoeur, narrative identity, self, narrative, responsibility

Acknowledgments

The paper supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01698 «History in the context of cognitive sciences».

For citation

Anikina A.B. Contradictions of the concept of narrative identity by P. Ricoeur: the dialectic of variability and staticity. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 40–53. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-2-40-53

Одной из характеристик ситуации, в которой сегодня живет почти каждый член человеческого сообщества, является увеличение социальных связей и структур, в которые он вовлечен. Другая связанная с ней особенность – скорость и интенсивность социальных изменений, на которые приходится реагировать индивидам. Эти обстоятельства ставят все новые и новые вопросы как перед самими участниками сообществ, так и перед исследователями, от которых постоянно ускользает ответ на вопрос, кто же есть субъект мышления, действия, социальных отношений.

Одним из авторов, пытавшихся дать ответ на этот вопрос, был французский философ Поль Рикёр. По его мнению, предпринятые ранее поиски субъекта говорения, действия и ответственности не доходили до собственно ответа на вопрос «кто», постоянно сбиваясь на вопросы «что говорится?», «что делается?». Пытаясь ухватить это постоянно ускользающее «кто?», Рикёр предложил концепцию нарративной идентичности.

К этой идее Рикёр пришел еще в книге «Время и рассказ», в которой он разработал понятие нарратива как сложной мыслительной конструкции, которая позволяет человеку ухватить временные аспекты окружающего мира и своего существования в нем. Затем, в следующей книге «Я-сам как другой», Рикёр более подробно изложил понятие нарративной идентичности, переосмысливая временное измерение «Я». Он задавался вопросом, как субъект остается тем же самым, сохраняя свою непрерывность во времени, а следовательно, ответственность за свои поступки, если он постоянно изменяется, меняет свои убеждения, цели и ценности.

Понятие нарративной идентичности представляется весьма значимым в философском наследии Поля Рикёра, однако трудным для восприятия и использования. В статье мы сначала поясним, что подразумеваем под понятием нарративной идентичности, а затем рассмотрим проблему адекватности нарративной идентичности. Таковая проблема возникает ввиду того, что нарративная идентичность, по мысли Рикёра, представляет собой «игру воображаемых вариаций», и возникают сомнения, проявляет ли она «реальную» персональную идентичность или, скорее, скрывает ее. Также будет затронута возможность применения понятия «нарративной идентичности» не только к индивидуальным, но и к коллективным субъектам.

Понятие нарративной идентичности

Трудности в определении понятия нарративной идентичности связаны с тем, что оно, будучи само по себе сложной мыслительной конструкцией, основывается на не вполне однозначно трактуемых понятиях, которые требуют дополнительных разъяснений. Так, Рикёр предлагает два подхода к идентичности: идентичность как тождественность (*idem*) и идентичность как самость (*ipse*). Толкование того, что именно подразумевается под каждым из этих терминов, уже представляет собой определенную сложность. Реализация каждого из этих аспектов идентичности связана с двумя моделями постоянства во времени: постоянство характера и сдержанное обещание. Рикёр представляет эти модели как два полюса, однако не в смысле их взаимоисключающего характера, а в том смысле, что между ними имеются различные градации, континуум возможных сочетаний характеристик одного полюса и другого. А именно: Рикёр выдвигает гипотезу, что эта полярность «обусловлена тем, что “постоянство характера выражает почти полное перекрытие друг другом проблематики *idem* и проблематики *ipse*”, тогда как *верность данному слову* “обозначает *крайний разрыв* между постоянством “себя” (*soi*) и постоянством “того же самого” (*même*)» [Ricoeur, 1990, p. 143].

То есть, в представлении Рикёра, между тождественностью и самостью нет взаимоисключающей оппозиции. Ответ на вопрос «кто?» состоит из сочетания того и другого в большей или в меньшей степени для каждого «кто?» в каждый конкретный момент времени. Имеет значение, чем обусловлена непрерывность этих «кто?», на основании чего эти разные ответы в разные моменты времени мы считаем одним и тем же субъектом. Она может быть обусловлена постоянством характера и сдержанным словом, но не в смысле «либо тем, либо другим», а тем и другим, но в разных пропорциях.

Под моделью характера Рикёр подразумевает такой подход, который не оставляет человеку возможности для серьезных изменений. То есть характер закладывается на основе физиологических, генетических характеристик, развивается под влиянием социальных условий и в течение жизни реализуется в поступках. По представлениям Рикёра, изложенным им еще в его ранней работе «Волево и неволево», характер – это абсолютно неволево, «постоянство субстрата», и в этом смысле включает в себя все возможные «что?», определяющие личную идентичность. Далее будет предложена возможная интерпретация модели Рикёра, сделанная для наглядности на бытовом примере.

Соотношение понятий тождественности и самости, характера и обещания можно проиллюстрировать на примере отношения к браку. Так, в ряде культур и конфессий развод затруднен, поскольку вступающие в брак дают клятву «перед лицом Церкви и Господа Бога» хранить верность «пока смерть не разлучит» (или в силу культурных моделей). В таком случае, у человека как бы нет выбора, сдержать ему слово или не сдержать, от него не требуется особых усилий. Наоборот, усилия потребуются, если он решит свою клятву нарушить. Таким образом, постоянство супругов в данном случае обеспечивается по модели постоянства характера: если проблематика *ipse* и возникает, нет возможности ее отследить, поскольку человек (в общем случае) даже не пытается задаться вопросом, должен ли я что-то изменить в своей жизни или сохранить семью. Самость включена в постоянство быта, структур повседневности, моделей поведения.

Иная ситуация в тех обществах, где развод разрешен и стал вполне нормальным явлением: тогда проявляется модель постоянства как выполнения данного обещания (в данном случае – брачного обета). Меняются вкусы, цели, ценности, жизненные обстоятельства, и в такой ситуации сохранять брак или расторгнуть – становится сознательным выбором каждого человека, что создает пространство для отделения самости от тождественности. И дело не в том, как может показаться, что, принимая решение расторгнуть брак, человек выбирает следовать своей самости (понимаемой таким образом как некий личный интерес), а сохранение брака – выбор в пользу тождественности (как дал слово десять лет назад, так и продолжает его придерживаться). Оба возможных решения могут опираться на проблематику *ipse* в большей или в меньшей степени. Например, если необходим переезд в другую страну одного из партнеров, второй может отказаться следовать за ним из-за трудностей с адаптацией в новых условиях – такое решение может опираться в большей степени на тождественность. Если же партнер выбирает преодолеть трудности, поскольку для него отношения и брак имеют значительную ценность – он принимает решение с опорой в большей степени на самость.

Однако в любом случае сохранение постоянства собственной идентичности – это комплекс различных факторов: усвоенных моделей поведения и ценностей, оценки наличных обстоятельств и возможных последствий, но ничто из этого, по мнению Рикёра, не есть самость. Самость не есть механическая сумма всех возможных влияний на личность, но их органическое взаимодействие, в котором эмерджентно возникает это новое качество, оно проявляется в собственной личностной оценке значимости каждого из факторов.

Каким же образом самость может отделиться от тождественности в рамках модели данного слова? Собственно, это происходит благодаря возможностям нарративной идентичности. Рикёр полагает, что соотношение самости и тождественности осуществляется через «вмешательство нарративной идентичности в понятийное формирование личной идентичности на правах особого опосредования между полюсом характера, где *idem* и *ipse* тяготеют к смешению, и полюсом сохранения «Я-сам», где самость избавляется от тождественности».

Можно предположить, что пространство для отделения самости от тождественности проистекает из того, что изменение социальной структуры общества и расширение научных знаний дают человеку все больше и больше возможностей влиять на факторы, которые раньше представлялись не поддающимися целенаправленному влиянию. Биотехнологии и медицина позволяют модифицировать физиологическую основу характера, включая редактирование генома уже взрослых людей (технологии CRISPR-Cas). Психотерапия позволяет людям сознательно влиять на свое поведение, не говоря уже о социальных технологиях и демократических процедурах участия в выборе направления развития политических субъектов. Таким образом, там, где раньше у человека не было возможности осознанного выбора, теперь она появилась. Соответственно, должны появиться внутренние ориентиры, индивидуальные системы приоритетов. Должен сформироваться волевой центр, который эти решения будет принимать исходя из собственной жизненной стратегии, а не потому что «так было всегда», «все мужчины такие» или «это естественная реакция организма».

Несмотря на способность организовать изменения, этот же волевой центр отвечает за сохранение единства личности в условиях, когда прежние (внешние) способы поддержания тождественности распадаются. По мнению Рикёра, единство личности выражается в категории ответственности: «Сохранение себя для личности – это такой образ действий, при котором другой может на нее *рассчитывать*. Поскольку кто-то рассчитывает на меня, я *держу ответ* за свои поступки перед другим» [Ricoeur, 1990, p. 195].

С другой стороны, возможность выбора влечет за собой появление категории ответственности за принятые решения. Рикёр также учитывает эту двойственность ответственности: «Термин “ответственность” объединяет два значения: *рассчитывать на... держать ответ за...*» [Ibid]. И хотя Рикёра заботит больше ответственность перед другими, заметим, что очень важным аспектом является и ответственность перед самим собой – готов ли я к последствиям собственных действий.

Для Рикёра очевидную ценность имеет именно сдержанное слово, а не просто слово данное. Собственно, идея ответственности в его философии является основанием «благой жизни с другими в справедливых социальных институтах», а также возможности достоверных нарративов (об этом см. [Рикёр, 2004]). Тем не менее, хотя далеко не все обещания сдерживаются, это не подразумевает разрушения самости и тем более всей концепции нарративной идентичности. Дело в том, что в современной ситуации множества социальных взаимодействий нередко оказывается, что, чтобы сохранить верность в чем-то одном, приходится отказываться от своего слова в другом. Например, у супругов обнаружили рас-

хождения в базовых ценностях; тогда для них встает вопрос, сохранять верность своим ценностям или верность своему браку. Ответ на этот вопрос также будет зависеть от того, кем и как представляет себя каждый из них, в какую историю себя вписывает. Это соединение разнородных факторов и процессов, позволяющее сделать общий вывод, и есть посредническая функция нарративной идентичности.

Динамический характер нарративной идентичности

Каким же образом поддерживается это постоянство ответственности при разрыве с тождественностью, эта готовность к изменениям и одновременное их отрицание (в сдержанном, несмотря на изменения, слове)? Именно в этом промежутке между двумя моделями сохранения постоянства во времени и располагается нарративная идентичность.

В докладе 1986 года (то есть уже после выхода «Времени и рассказа», но еще до завершения книги «Я-сам как другой», текст доклада был опубликован в 1988 году [Ricoeur, 1988]) Рикёр прямо дает определение: «Повествовательная идентичность – идентичность, которой человеческий субъект достигает при *посредничестве* повествовательной функции» [Рикёр, 2017, с. 239]. Повествовательная функция рождается из возможности чтения. Это способность выделять персонажей и проследивать события, воспринимать произведение как целостное высказывание. Из этого проистекает способность видеть взаимосвязи между событиями, например, проследить развитие ситуации или целостность жизни, а не набор мимолетных эпизодов, никак не связанных между собой.

Эта способность опирается также на идентификацию себя с персонажами художественных произведений (а сегодня к ним добавились персонажи кино и компьютерных игр), но это не главное ее содержание. Главное состоит в нашей способности идентифицировать персонажей вообще, конструировать их в своем воображении, в способности «быть рассказчиком и героем собственной истории, не становясь на самом деле автором собственной жизни» [Ricoeur, 1991, p. 32].

Таким образом, к представлению о себе (попутно заметим, что и о других тоже) добавляется временное измерение, что противоречит уже закрепившемуся представлению об идентичности: так, по Эриксону, идентичность есть «длющееся внутреннее равенство с собой» [Малахов, 2004]. Для Рикёра же это только часть идентичности, один ее полюс – тождественность, который и предполагает равенство самому себе. Характеризуя нарративную идентичность как привнесение изменчивости в неизменное, Рикёр описывает ее как динамическую. Поскольку возникающая таким образом идентичность опосредуется нарративом, то она перенимает то свойство, которое Рикёр описывает как динамический характер нарративной конфигурации: способность схватывать изменяющееся положение вещей и соединять разнородные элементы. Таким же образом нарративная идентичность имеет динамический характер: оттолкнувшись от формулы Эриксона, ее можно описать как «привнесение изменений в равенство самому себе». Посредством нарративной идентичности создавшееся в результате изменений и реакции на жизненные обстоятельства «неравенство самому себе» в определенных аспек-

тах должно сохранять свойства равенства (в аспектах, чаще связанных с ответственностью, но не только).

Противоречия нарративной идентичности

Помимо сложности в понимании самой концепции нарративной идентичности возникают трудности, связанные с ее применением. Кажется, что она ставит вопросов больше, чем дает ответов. Одним из самых проблематичных является вопрос адекватности, то есть что именно отражает достигнутая таким образом идентичность? В упомянутом докладе 1986 года Рикёр сам отмечает две опасности «игры воображаемых вариаций»: 1) опасность принять на себя неистинную идентичность и 2) блуждания среди множественных противоречивых идентичностей, приводящие к сомнениям в наличии какой-либо идентичности вообще [Ricoeur, 1988]. В докладе Рикёр дает краткий ответ по поводу этих трудностей, который он развернет подробнее в последующих работах.

1. Представление о том, что в игре воображения мы рискуем принять на себя ложную идентичность, Рикёр относит к «герменевтике подозрения»: «Такая идентификация становится средством для самообольщения или выдумки – примерами здесь являются Дон Кихот и мадам Бовари» [Ibid., p. 299]. По этому поводу Рикёр замечает, что герменевтика подозрения вообще имеет смысл, только если есть возможность противопоставить подлинное (*authentique*) и неподлинное (*inauthentique*). Но каким образом мы можем понять, что же есть подлинная идентичность субъекта? Рикёр полагает, что нельзя «взывать к подлинности идентификации с некой моделью, не приняв гипотезы, согласно которой построение себя через опосредование другим может быть подлинным средством для раскрытия самости, что конструирование себя приводит к тому, что мы действительно становимся тем, кто мы есть» [Ibid.]. Иными словами, мы не узнаем, кто мы есть на самом деле, пока не обнаружим в себе переплетение сходств и различий с теми, кто уже был, есть или мог бы существовать, созданный чужим воображением.

Рикёр, однако, не дает прямого ответа, что же в таком случае является методом оценки в качестве подлинного или неподлинного. Очевидно, что не сами образы нарративной идентичности, ведь любой из них в равной мере создан «игрой воображаемых вариаций». Мы видим, что современное общество наводнено людьми с неподлинной идентичностью, кто так и не стал тем, кем себя представлял, поскольку увлекся возможностями воображения. Для ответа на этот вопрос концепцию нарративной идентичности Рикёра следует поместить в контекст разработанной им же теории тройственного мимесиса (миметического круга). В таком случае становится ясно, что эта увлекательная «игра» не вполне произвольна, но «это тот смысл, который принимает рефигурация в рамках герменевтики сосредоточения (*récollection*)» [Ibid.]. Миметический круг Рикёра проясняет тот механизм «сцепления» нарратива и реальности, когда символические опосредования накладываются на функциональные связи между явлениями (стадия префигурации) и посредством продуктивного воображения выстраиваются в значимые последовательности (стадия конфигурации). Рефигурация – третья стадия этого движения репрезентирования реальности: изменение жизненного

опыта в соответствии с новыми данными и изменившимися смыслами (подробнее анализ функционирования миметического круга см. [Аникина, 2020]).

Таким образом, подлинность, или лучше буквально аутентичность – это соответствие созданного образа некоторым исходным данным субъекта, которые можно отождествить с характером и обстоятельствами. Характер – это все то, что определяется нашей биологической природой и теми факторами среды, на которые мы не можем повлиять. Рикёр неоднократно подчеркивал «неизменную природу характера как свершившуюся, не избранную перспективу нашего доступа к ценностям и использования наших способностей» [Рикёр, 2008, с. 149]. Говоря о том, чему должен быть аутентичен образ нарративной идентичности, можно сказать: тем характеристикам субъекта, которые уже не подлежат изменению, то есть прошлому, уже проявившемуся.

В книге «Я-сам как другой» Рикёр дополнил представления о характере временным измерением, которое и ставит его «на путь нарративизации»; он пишет: «такая неизменность – весьма особого рода, о чем свидетельствует переинтерпретация характера в терминах приобретенной предрасположенности» [Там же, с. 150]. Приобретенные предрасположенности – это привычки или паттерны поведения, выработанные волевым усилием или под воздействием обстоятельств (помимо воли). Способность формировать собственные привычки или контролировать поведение, избавляясь от нежелательных моделей, свидетельствует об отделении проблематики *ipse* от проблематики *idem*. По мере развития знаний и социальных структур мы занимаем все более и более активную позицию в отношении будущего, это можно отнести как к индивидуальным, так и к коллективным субъектам.

Возможно, поэтому наше время переживает такой подъем интереса к прошлому: прошлое воспринимается как тот способ, которым субъект пытался осуществить свой проект будущего, как смысловой горизонт, ориентирующий его действия. По мере расширения возможностей влиять на будущее нас все больше и больше интересуют его истоки. По мнению Рикёра, именно рассказ учит нас «нарративно сочленять прошлое и будущее» [Ricoeur, 1990, p. 193]. Тогда у нарративной идентичности появляется еще один показатель подлинности: готовы ли я принять последствия тех действий, которые я совершаю, исходя из выработанной идентичности? То будущее, которое наступит, если я буду действовать согласно этому проекту, соответствует моим ценностям?

Рассматривая нарративную идентичность в широком контексте философии Рикёра, можно сказать, что главным показателем подлинности нарративной идентичности является ответственность. «Два упомянутых смысла ответственности – перспективный и ретроспективный – смыкаются и перекрывают друг друга относительно ответственности в настоящем. Но это настоящее не есть мгновение-разрыв, точечное мгновение хронологического времени. Оно имеет плотность, которую задает ему как раз диалектика тождественности и самости в связи с постоянством во времени» [Рикёр, 2008, с. 346]. В категории ответственности сходятся различные планы философии французского мэтра: от онтологии человеческого бытия через способности воспринимать мир к индивидуальному сознанию «человека могущего», стремящегося к «благой жизни с другими людьми»

ми». По словам Д. Эндрю, «философия Рикёра, плывущая по изменчивому морю интерпретаций, находит свою гавань не в онтологии или эпистемологии, но скорее в эстетике и этике, моделях поведения, которые мы осуществляем каждый день и время от времени» [Andrew, 2000, p. 63–64].

2. Еще одна отмеченная Рикёром опасность «игры воображаемых вариаций» нарративной идентичности состоит в дезориентации среди множества идентичностей вплоть до полной ее утраты. Надо сказать, что сегодня эта проблема уже не теоретическая, исследуемая литературой в виде крайних случаев, но повседневная реальность для людей, проводящих значительную часть своей жизни в виртуальной реальности. Однако упомянутая «опасность» сегодня скорее подтверждает актуальность концепта нарративной идентичности, чем опровергает его: эта множественность и является реальным положением вещей в современном мире, а не недостатком понятия, не способного ухватить единственно верную модификацию идентичности. Рикёру удалось предложить подходящий концепт, описывающий сложившуюся ситуацию и вызовы, которые она ставит перед человечеством.

Рикёр полагает, что утрата идентичности невозможна субъектом, способным осознать себя как субъекта: даже если некто говорит «я ничто», *кто* в таком случае это говорит? «Кто все еще является этим “я”, если субъект говорит “я – ничто”? А это как раз самость, лишенная подпорок тождественности» [Рикёр, 2017, с. 251]. Действительно, если некто растворяется в вымышленном мире или во множестве принятых на себя виртуальных персонажей, то *кто* же выбирает среди множества возможных личин и миров именно эти? В виртуальной реальности субъект может почти отречься от значительной части того, что составляет его тождественность, например, представить себя человеком другого пола и возраста, другого мировоззрения, но это все равно некая идентичность.

Вероятно, может иметь место и дезориентация субъекта во множестве идентичностей. Можно предположить, что большая широта выбора накладывает на человека требование большей осознанности для того, чтобы удерживать некоторую собственную целостность. Концепт нарративной идентичности как раз вполне подходит для этой цели в силу свойств нарратива, позволяющих сплести очень разные сюжеты, расширять эпизоды до развернутых историй и соединять отдаленные друг от друга эпизоды в один сюжет.

Если задуматься, то можно сказать, что эта проблема вовсе не нова в истории европейской культуры. Таким же образом, как литература была полем экспериментов для вариаций тождественности и самости, сегодня человечество открывает для себя новые горизонты для поиска новых моделей в виртуальной реальности.

Вероятно, что ситуация множественности нарративов создает новые условия для концепции идентичности. Является ли эта множественность слабостью (угрозой дезориентации, утраты идентичности) или потенциалом? Возможно, что при определенных условиях одно может перейти в другое. Предполагается, что эффективность действий зависит от успешного объяснения/понимания сложившейся ситуации. Характерной чертой ориентации субъекта в современном мире является множественность возможных стратегий действия, соответственно,

множественность нарративов, в которые личность может вписать себя. Залогом эффективности деятельности является возможность переключения между этими стратегиями, которая проистекает из различных способов переоценки ситуации, смены объяснительных моделей, тесно связанных с используемыми нарративами. Так, нарративная операция порождает понятие динамической идентичности, суть которой в ежесекундной возможности изменений: «И как раз из-за ускользающего характера реальной жизни нам требуется помощь художественного вымысла, чтобы организовать этот последний ретроспективно, задним числом, оставляя возможность считать пересматриваемой и временной всякую фигуру завязывания интриги, заимствованную у художественного вымысла или истории» [Рикёр, 2008, с. 199].

Коллективная идентичность в модели нарративной идентичности

Уже в заключении к третьему тому «Времени и рассказа», предлагая идею нарративной идентичности, Рикёр предположил, что это понятие «обнаруживает свою плодотворность в том, что оно может применяться к сообществу так же, как и к отдельному человеку» [Ricoeur, 1985, p. 356]. Стоит задаться вопросом, действительно ли такой перенос понятия может быть плодотворным. Тем более что в последующих трудах Рикёр не возвращался к нему напрямую. Однако это предположение хорошо согласуется с другими теориями коллективной идентичности, в частности А. Ассман, и с подходом к нациям как воображаемым сообществам, разработанным Б. Андерсоном (см.: [Ассман, 2014]). Иными словами, если согласиться, что коллективные субъекты являются феноменом нашей реальности, должно быть нечто, что поддерживает их идентичность – на основании чего мы их выделяем. В работе «Память. История. Забвение» Рикёр также обосновывал возможность атрибуции памяти коллективным субъектам [Ricoeur, 2000, p. 146–166].

Наиболее очевидным примером нарративной идентичности коллективных субъектов являются нарративы государственной исторической политики, политики памяти, «малые» истории меньшинств. Таким образом, концепция Рикёра о нарративной идентичности подводит нас к вопросу об адекватности исторических нарративов с новой стороны. Да, историческая наука изучает свидетельства и устанавливает факты, но значение этих фактов для разных субъектов выявляется на основе включения их в те или иные нарративы. Переплетение установленных фактов и продуктивного воображения в истории реализуется через тот же механизм тройственного мимесиса, который Рикёр описал в первом томе «Времени и рассказа». Но и нарративная идентичность реализуется через этот же механизм, поскольку в ее основе лежит способность к нарративной деятельности. Соответственно, в рамках концепции Рикёра напрашивается вывод, что история сообществ – это нарративная идентичность коллективных субъектов.

Рикёр не проговаривает этот вывод прямо, однако пишет, что «это круговое взаимодействие с одной стороны того, что можно назвать характером – который может быть как индивидуальным, так и народным, – а с другой, рассказа, который одновременно и выражает, и формирует этот характер, великолепно иллюстриру-

ет круг, названный... тройственным мимесисом» [Ricoeur, 1985, p. 356]. В рамках данной статьи у нас нет возможности подробно рассматривать, как именно этот механизм мог бы функционировать на уровне коллективных субъектов. Мы лишь остановимся на вопросе, сулит ли вообще подобный перенос какие-либо позитивные результаты.

Во-первых, продуктивные перспективы такого переноса концепции нарративной идентичности можно видеть во введении категории ответственности в поле исторической политики. До сих пор в основании логики исторических изменений лежала категория последствий. Индивидуальные субъекты (правители, реформаторы, революционеры), конечно, ставят себе те или иные цели, однако в исторической ретроспективе видно, что далеко не все добивались именно тех целей, которые подразумевали и зачастую именно *претерпевали последствия*, которые они, возможно, вызвали своими действиями. Но в истории народов или институтов категория цели вообще отсутствует: мы представляем, что с обществом, с социальными группами изменения *происходят*, они испытывают воздействие индивидуальных субъектов или безличных факторов.

Однако сегодня мы видим, что в некоторых случаях социальные субъекты (например, страны), пытаются преследовать определенные цели и сделать выбор в пользу тех или иных действий, т.е. взять на себя ответственность за будущие последствия в том смысле, в котором об ответственности писал Рикёр – как о способности осознавать последствия своих действий и принимать их. Возможные последствия субъект оценивает, естественно, исходя из имеющегося опыта, то есть из понимания прошлого.

Такое противопоставление субъекта ответственности и субъекта, претерпевающего последствия, иллюстрирует то, что привносит в историю понятие нарративной идентичности. Готово ли общество взять на себя ответственность за тот образ будущего, который следует из принятого им образа прошлого? Этот вопрос, на первый взгляд, выглядит слишком пафосным, поскольку он указывает на некоторую идеальную логическую конструкцию, слишком абстрактную для многих людей. Подобная проблема наглядно видна в спорах о борьбе с изменениями климата. В идеальной картине мира предполагается, что все человечество должно выступать как единый субъект, предотвращая или исправляя негативные последствия своей прошлой деятельности в планетарном масштабе. Но не все согласны, что глобальное потепление является реальным процессом или что борьба с ним имеет смысл, поскольку это слишком масштабный процесс. Хотя, по сути, это не вопрос веры, а вопрос адекватного анализа данных.

Вопрос об ответственности поднимает значение именно исторической науки, так как серьезная ответственность может быть принята только на основании действительно установленных фактов прошлого. Так, в примере с глобальным потеплением необходимо адекватно оценить реальные данные о прошлом развитии Земли и реализовать прочие понятные процедуры научного исследования. Но это слишком многофакторный процесс, среднему человеку трудно понять, какие именно данные релевантны, а какие нет. Как можно сделать выбор в ситуации, когда одни говорят, что угроза есть, а другие – что нет? Остается только задать себе вопрос: в случае если я приму точку зрения вторых, но правы окажутся пер-

вые, будет ли эта ситуация приемлема для меня? И поскольку есть хоть сколько-то обоснованные предположения, что последствия наступят уже для ныне живущих людей, то желательно не относиться к этим данным как к чему-то, что было давно и нас уже не касается, как это нередко происходит с историей.

В более близкой нам истории (а не глобальной, как климатическая история Земли) примером такого вопроса может быть следующий: «Я полагаю, что Сталин был выдающийся правитель и привел страну к победе, пусть даже ценой жизни тысяч или миллионов людей. Я бы хотел, чтобы моя страна и дальше выигрывала войны и была великой, и полагаю, что для этого нужно обратиться к методам Сталина. Однако готов ли лично я к тому, что есть вероятность стать одной из тех жертв, которые будут принесены ради этой цели?». Разумеется, было бы чистым идеализмом ожидать, что каждый россиянин готов задавать себе такие вопросы. Однако какие-то группы в обществе должны ими задаваться. Для этого необходимо располагать твердо установленными данными, к примеру, о реальных темпах развития и количестве жертв репрессий. Также требуется понимать, что история – это не просто рассказы о прошлом, а реально пережитый опыт, который нельзя отбросить, просто рассказав о нем иначе.

Во-вторых, рассмотрение истории сообществ в терминах нарративной идентичности является продуктивным, поскольку последняя представляет собой динамическую конструкцию. Опора на эту модель может помочь найти ответ на вопрос, очень болезненный для многих сообществ: как нам приспособиваться к новым условиям существования, оставаясь собой? Диалектика инноваций и укорененности, реализуемая посредством миметического круга, позволяет избежать ловушки «традиционной идентичности», основанной на убеждении, что субъект может оставаться собой, только если он следует канонам вековой давности. Однако и простым этот ответ не является, поскольку отнюдь не легко понять, что собой представляют структуры укорененности и какие именно инновации плодотворны, а какие разрушительны.

На коллективном уровне нарративная идентичность не может избежать тех же проблем, что были описаны выше применительно к индивидуальному уровню: очевидно, встает вопрос о «настоящей» идентичности, и если можно рассказать о своем прошлом все что угодно, то как будто бы нельзя ничего рассказать. В то же время применить здесь данные ранее ответы затруднительно, поскольку общество состоит из множества субъектов, в том числе и коллективных с разным опытом, погруженных в разные нарративы, зачастую противоречащие друг другу.

Однако, представляется, что даже такая серьезная проблема не может перечеркнуть то конструктивное, что дает концепция нарративной идентичности для исследования коллективных субъектов. Во-первых, возможно, данная концепция имеет ограниченную область применения. Во-вторых, предполагается, что возможно выработать механизмы согласования противоречивых нарративов. В основе этого предположения лежит само понятие нарратива, под которым Рикёр понимал «синтез разнородного». Так или иначе данный вопрос требует дальнейшего изучения.

* * *

Нарративная идентичность – это та мыслительная конструкция, которая позволяет перейти от приятных рассказов о прошлом к пониманию того, что это я как часть сообщества (или мои дети) будут претерпевать последствия принятых на основе этих рассказов решений, и разумнее удостовериться, так ли прошлое было приятно, как эти рассказы о нем. Соответственно, понятие нарративной идентичности позволяет такие вопросы ставить не только перед отдельным человеком, но и перед обществом в целом.

Тем не менее, остается надежда, что дальнейшее исследование категории нарративной идентичности может вывести на новые продуктивные ответы.

Список литературы

- Аникина А. Б.** Миметический круг П. Рикёра как механизм репрезентации прошлого // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18. № 4. С. 130–144.
- Ассман А.** Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Малахов В. С.** Идентичность // Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 216.
- Рикёр П.** Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 728с.
- Рикёр П.** Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманит. лит., 2008. 416 с.
- Рикёр П.** Повествовательная идентичность // Философская антропология: рукописи и выступления / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Изд-во гуманит. лит., 2017. С. 238–251.
- Andrew D.** Tracing Ricoeur. Review on Paul Ricoeur: Les sens d'une vie by François Dosse // *Diacritics*. 2000. Vol. 30. № 2. P. 43–69.
- Ricoeur P.** Temps et récit. Tome 3. Paris: Seuil, 1985. 432 p. (in French)
- Ricoeur P.** L'identité narrative // P. Bühler et J.-F. Habermacher (Ed.) *La narration: quand le récit devient communication*. Genève: Labor et Fides. 1988. 310 p. (in French)
- Ricoeur P.** Soi-même comme un autre. Paris: Seuil, 1990. 428 p. (in French)
- Ricoeur P.** Life in quest of narrative // D. Wood (Ed.) *On Paul Ricoeur. Narrative and Interpretation*. Routledge, 1991. P. 20–33.
- Ricoeur P.** La mémoire, l'histoire, l'oubli. Paris: Seuil, 2000. 682 p. (in French)

References

- Andrew D.** Tracing Ricoeur. Review on Paul Ricoeur: Les sens d'une vie by François Dosse // *Diacritics*. 2000. Vol. 30. No. 2. P. 43–69.
- Anikina A. B.** Ricoeur's mimetic circle as an appliance for representing of the past // *The Siberian Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 18. No. 4. P. 130–144. (in Russian)
- Assmann A.** The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. 329 p. (in Russian)
- Malakhov V. S.** Identity // A.A. Ivin (ed.) *Philosophy: Encyclopedic Dictionary*, Moscow: Gardariki, 2004. P. 216. (in Russian)
- Ricoeur P.** Temps et récit. Tome 3. Paris: Seuil, 1985. 432 p. (in French)

- Ricoeur P.** L'identité narrative // P. Bühler et J.-F. Habermacher (ed.) La narration: quand le récit devient communication. Genève: Labor et Fides. 1988. 310 p. (in French)
- Ricoeur P.** Soi-même comme un autre. Paris: Seuil, 1990. 428 p. (in French)
- Ricoeur P.** Life in quest of Narrative // D. Wood (Ed.) On Paul Ricoeur. Narrative and Interpretation. Routledge, 1991. P. 20–33.
- Ricoeur P.** La mémoire, l'histoire, l'oubli. Paris: Seuil, 2000. 682 p. (in French)
- Ricoeur, P.** Memory, History, Forgetting. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature. 2004. 728 p. (in Russian).
- Ricoeur, P.** Oneself as Another. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature. 2008. 728 p. (in Russian).
- Ricoeur P.** Narrative Identity // Philosophical Anthropology: Manuscripts and Speeches / transl by I.S. Vdovina. Moscow: Humanitarian Literature Publishing House. 2017. P. 238–251. (in Russian)

Информация об авторе

Александра Борисовна Аникина, кандидат философских наук
старший преподаватель кафедры фундаментальной медицины, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Information about the Author

Alexandra A. Anikina, Candidate of Sciences (Philosophy)
Lecturer, Chair of Fundamental Medicine, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

*Статья поступила в редколлегию 10.12.2024;
одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 28.04.2025.*

*The article was submitted 10.12.2024;
approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 28.04.2025.*